

Русская монета в кладах первой половины XVII в. на территории Гродненской области

Виктор МАЛЕЖИК

Член
Белорусского
нумизматического
общества

До настоящего времени остается малоизученным феномен появления русской монеты в кладах, датированных первой половиной XVII в., на территории Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), в частности, на территории современной Беларуси. В последнее время работа в этом направлении нумизматики активизировалась. Белорусскими нумизматами проведен общий анализ кладов, содержащих русскую монету. Однако проведение исследований по имеющимся описаниям кладовых комплексов не приносит должного результата по причине поверхностных, а порой противоречивых сведений о самих монетах. Констатация факта наличия в кладе русских монет несет минимум информации, необходимой для данного исследования. Спецификой изучения русской монеты является кропотливая работа по проведению поштемпельного и метрологического анализов, которые вкупе могут заставить “говорить” невзрачную на первый взгляд русскую проволочную копейку, обладающую свойством довольно большой информативности. Немаловажным моментом в этом исследовании стало изучение топографии находок, а также социальной составляющей образования этих кладовых депозитов.

В силу объективных причин основную сложность в изучении сохранившихся кладов, в состав которых входит русская проволочная монета, составляет разорение комплексов, некачественное описание монет и их утрата в последующем, отсутствие информации о вновь найденных кладах.

Образовавшиеся пробелы необходимо заполнять, проводя профессиональный учет обнаруженных комплексов русских монет с целью получения необходимой информации.

Относительно небольшой по объему нумизматический материал, касающийся присутствия русской средневековой монеты на территории Гродненской области, может показаться недостаточным для констатации каких-либо конкретных выводов. Однако, анализируя некоторые тенденции и закономерности, можно сделать вывод, что это воедино связанные причины и механизмы появления русской монеты в кладах рассматриваемого региона.

На международной научной конференции в Су-прасле (Польша) в 2004 г. В.Н. Рябцевич отмечал скромную роль русской монеты в кладах, сокрытых на территории ВКЛ (7,24% от общего количества кладов XVII в. на территории Беларуси и 3,91% на территории Литвы). Он связывал этот факт с отсталостью денежной системы России, указывая, однако, на имеющиеся в первоисточниках сведения об активных торговых отношениях Литвы и Московии [10].

В свою очередь, Д.В. Рябцевич в своей работе “Российская монета на рынках ВКЛ в XVI—XVII вв.” [11, с. 196—197] провел общий анализ кладов с примесью русской монеты, найденных на территории Беларуси и Литвы, и определил два основных пути проникновения русской монеты на территорию ВКЛ, основываясь на присутствии большего количества кладов в Литве, Витебской и Могилевской областях Беларуси, выделив, таким образом, северный и восточный регионы, куда русские монеты поступали с территории Брянской (Гомельская и Могилевская обл.), Смоленской (Могилевская и Витебская обл.) и Псковской (Литва, Витебская обл.) областей России. При этом западные регионы Беларуси (Гродненская и Брестская обл.) представлены наименьшим количеством кладов данной категории. На основании анализа, проведенного Д.В. Рябцевичем, также был сделан вывод о непопулярности русских денег на территории ВКЛ вследствие отсталости русской денежной системы в указанный период.

Согласно последним публикациям того же мнения придерживается и современный белорусский исследователь В.А. Кобринец. Наряду с этим он подчеркивает, что русские монеты в кладах на территории Беларуси появились вследствие войн между Речью Посполитой и Московией 1632—1634 гг. и 1654—1667 гг. и ведения боевых действий на землях ВКЛ [3, с. 60].

Белорусские исследователи, изучавшие это направление нумизматики, сходятся во мнении о непопулярности русской монеты на территории ВКЛ исходя из ее скромной роли в кладовых комплексах XVII в. и практически отсутствия в кладах XVI в., что не соотносится с историографическими сведениями об активной торговле между землями ВКЛ и России.

Учитывая существующие неразрешенные противоречия, этот вывод необходимо расценивать как предварительный, касающийся общей оценки роли русских денег в денежном хозяйстве ВКЛ.

На взгляд автора, достижение позитивного практического результата в данном направлении кроется в детальном изучении кладовых комплексов, содержащих русскую монету.

Современные реалии указывают на необходимость более точного классификационного разделения этих кладов с одновременным проведением поштатно-метрологического и топографического анализов, учитывающая неоднородность причин появления русской монеты на различных территориях ВКЛ.

В настоящее время можно провести анализ четырех известных нам кладов, обнаруженных на территории Гродненской области, которые содержали в своем составе русские проволочные монеты.

Найденный в 1953 г. на берегу реки Неман у д. Княжеводцы (Дубно) Скидельского района (теперь — территория Мостовского района Гродненской обл.) клад монет ВКЛ (далее — дубненский клад), Польши, немецких городов, Испании [18, с. 226, № 91] насчитывает 78 монет, принадлежащих русской чеканке XVI — первой половины XVII в.

В 1956 г. в д. Зачепичи Дятловского района Гродненской области школьным учителем во время сельскохозяйственных работ был найден клад (далее — зачепичский клад), насчитывающий более 5000 монет Польши, западноевропейских государств, России [18, с. 227—228, № 98]. Однако до нас дошли только 2796 монет, из которых 12 — русские монеты XVI — первой половины XVII в.

В 1997 г. у д. Макеевцы Щучинского района Гродненской области при производстве сельскохозяйственных работ был обнаружен клад монет Польши, западноевропейских государств и России (далее — макеевский клад) [1, с. 12, № 33]. Этот клад (часть из которого в настоящее время хранится в частной коллекции) в момент находки насчитывал более 1000 монет, однако до нас дошло только 340, из которых 26 — русские проволочные монеты XVI — первой половины XVII в.

Еще один крупный клад, насчитывавший в своем составе 2532 монеты, массой 2,85 кг, был найден в 1895 г. вблизи д. Озерница Слонимского района (далее — озерницкий клад) [18, с. 227, № 94]. Он имел незначительную примесь русских проволочных монет, точное описание и количество которых, к сожалению, в настоящий момент неизвестны. Однако данный клад необходимо упомянуть, учитывая его прямое отношение к рассматриваемым временным рамкам, социологии вопроса, а также отметить топографию находки относительно мест обнаружения других кладов этой категории.

Проведя общий количественный анализ кладовых депозитов XVII в., найденных на территории Гродненской области, можно повториться и также отметить небольшой удельный вес кладов, содержащих русскую проволочную монету, относительно общего количества депозитов данного промежутка времени. В настоящее время нам известно 95 кладов, обнаруженных на территории Гродненской области, сокрытие которых можно отнести к XVII в. [1, с. 2, 9—31]. Из этого количества только 4 вышеуказанных депозита

содержат русскую монету, что составляет 4,2% от общего количества кладов XVII в. Однако сокрытие всех четырех кладов можно справедливо отнести к началу XVII в., что составляет 15,3% от общего количества известных кладов первой половины XVII в. (к этой категории относят 26 комплексов). При этом русская монета присутствует только в крупных депозитах, владельцев которых на данном этапе исследований можно предварительно отнести к социальной группе торговых людей. Ее полное отсутствие в типичных кладах сельских жителей говорит не о непопулярности русской монеты, а о ее полном отсутствии во внутреннем денежном обращении на землях ВКЛ, относимых к территории Гродненщины. Из этого следует, что утверждение о непопулярности русской монеты необходимо рассматривать неоднозначно, поставив вопрос вообще о значении этого термина применительно к национальной денежной системе, при наличии тех серьезных противоречий, которые имели место в денежных хозяйствах государств. Этот термин можно сформулировать как потребность в ней у определенной социальной группы населения на данных территориях. Рассматривая проблему с точки зрения потребности, мы придем к конкретным практическим причинам появления русских денег в кладовых комплексах, учитывая инородность русской монеты в денежном хозяйстве ВКЛ.

Русская денежная система, основой которой являлась проволочная копейка с двумя ее фракциями — денгой (1/2 копейки) и полушкой (1/4 копейки), не могла идти в сравнение с развитой денежной системой Речи Посполитой или другого европейского государства, несмотря на очень высокое качество серебра, служившего сырьем при чеканке копеек. Русская копейка не могла быть популярной изначально благодаря ее высокой стоимости. Русское правительство, проводя политику закрытого функционирования своей денежной системы, получало хороший доход от перечеканки талеров в копейку (при обменном курсе 42 копейки в 1613 г., 48—50 — в 1619 г. и сохранении такого курса до 1650 г., когда был установлен фиксированный курс, равный 50 копейкам за талер, при его реальной стоимости 53—56 копеек) и до определенного времени не ставило цель выведения русских денег на международный рынок. По этой причине появление русской монеты на определенных зарубежных рынках следует связывать с особенностями товарно-денежных отношений в конкретном промежутке времени.

Отмечая отсутствие русской монеты на территории Гродненской области в известных нам кладах XVI в., можно предположить, что это обстоятельство обусловлено рядом военных конфликтов, в частности событиями Ливонской войны (1558—1583 гг.), активными боевыми действиями между войсками Речи Посполитой и России. Основной торговый центр на северо-западе России — Псков, имевший стратегическое значение в торговых отношениях с Европой, стал ареной боевых действий и практически был выведен из экономических отношений. В связи с неудачным результатом войны Россия лишилась земельных владений на Балтике и выхода к Балтийскому морю.

Заключение Тявзинского мира в 1595 г. сыграло важную роль в возрождении торговли в данном регионе. России были возвращены города Ям, Копорье, Корея, Ивангород. А такие города, как Выборг и Ре-

вель, стали пропускать иноземных купцов в русские пограничные земли. В результате произошло оживление торговли с Западом через балтийские порты. Из Голландии и Англии начал поступать основной товар русского импорта — серебро, преимущественно в виде талеров “ефимков”.

Одновременно в Пскове оживляется торговля и с литовскими землями. В наказе 1594 г. было сказано, что: “которые литовские и немецкие люди и всяких земель гости деньги русские везут во Псков, и золото, и серебро плавленое в слитках и в ефимках и в какове деле ни буди, а явят его во Пскове таможенным целовальником, и те деньги и золото и серебро писать в таможенные книги, а записав велено иноземцам на русские деньги покупать товар во Пскове, а золото б и серебро всякое меняли на псковские товары или б продавали псковичам на деньги, а на те б деньги товар же во Пскове покупали. А которые гости торговые люди деньги и золото и серебро повезут изо Пскова за рубеж, а товару не купят, и тех гостей велено обыскивать. Да у кого денги или серебро вымут, и у тех гостей у торговых людей денги и серебро, и золото и животы их имати на государя” [А.С. Мельникова, цит. по: Чистякова Е.В. 1950 г.].

Немного позже военный капитан Жак Маржерет, находившийся в России в начале XVII в., в своих записках утверждал: “Россия — государство очень богатое. Не высылая денег за границу, но ежегодно копя их, русские платят иностранцам обыкновенно товарами: мягкой рухлядью, воском, салом, кожами воловьими и оленьими, сафьяном, льном, пенькой, всякого рода веревками, икрой, соленой семгой, ворванью и другими произведениями, хлеба же не смеют вывезти со стороны Ливонии, не взирая на чрезвычайное его изобилие. Сверх того, русские променяют иностранцам поташ, льняное семя, пряжу, не покупая ничего от них на чистые деньги” [16, с. 32—33].

Эти источники как нельзя ярко показывают структуру торговли на территории России в конце XVI — начале XVII в. Кроме того, здесь мы видим еще две причины отсутствия русской копейки вкладах, датированных концом XVI — началом XVII в., в виде законодательного запрета на вывоз с территории России не только серебра и золота как металла, но и русских денег, а также наличием преимущественно натуральной торговли с иностранцами.

Несмотря на это, создаваемые препоны не могли искусственно исключить естественный процесс развития взаимовыгодных экономических отношений при наличии спроса и предложения.

А.С. Мельникова отмечала, что по мере развития экономических отношений анахронизм русской копейки не выдерживал никакой конкуренции, наряду с чем “в XVI—XVII вв. русские копейки ценились на западе главным образом как высокопробное серебро”, указывая при этом на содержание указа от 1620 г., в котором говорилось: “Из Московского государства возят (иностранцы) к себе старые деньги, чистое серебро” [5, с. 155]. Белорусским исследователем А.В. Кобриным также было отмечено, что русская проволочная монета благодаря хорошему качеству серебра пользовалась популярностью как источник металла для изготовления ювелирных изделий. Этот факт он подтвердил находками ювелирных изделий, изготовленных из русских монет, и документальными сведе-

ниями, свидетельствующими об этом [4, с. 76—77]. Однако на территории Гродненской области в отличие от восточных областей Беларуси находки ювелирных изделий, при изготовлении которых применялись русские копейки, до настоящего времени не зафиксированы.

Подытожив доводы, указывающие на причины отсутствия русской монеты вкладах XVI в. и ее скромное присутствие вкладах XVII в., можно выделить четыре фактора обоюдного отторжения рассматриваемых денежных систем, к которым можно отнести военно-политический, экономический, юридический и психологический факторы.

К *военно-политическому фактору* относятся череда военных конфликтов между Речью Посполитой и Москвой, имевших место в XVI—XVII вв., и крайне натянутые политические отношения между этими государствами, которые не могли способствовать развитию торговых отношений.

Рассматривая *экономический фактор*, можно, бесспорно, констатировать наличие принципиально разных основ денежных систем обоих государств, пресекающих внедрение мелкой разменной монеты на внутренние рынки. Хорошее качество серебра копейки и архаичная техника чеканки ставили барьер не пути ее проникновения на европейские рынки, обслуживаемые качественно выполненной билонной разменной монетой.

К *юридическому фактору* относятся многочисленные запреты на вывоз русских денег за рубеж и категоричные запреты на использование в торговле иностранной монеты на территории самой России.

Психологический фактор может вызывать различные суждения, однако немаловажную роль в денежном обращении обоих государств играла консервативность населения по отношению к национальной денежной системе, устоявшимся стереотипам денежного счета. В первоисточниках имеется множество упоминаний иностранных купцов, политических деятелей и путешественников о неудобстве русских денег при расчетах.

Все эти факторы, тесно взаимосвязанные друг с другом, предопределили автономное место русских денег в международной торговле.

Так выглядит классическая схема причин неприятия литовским рынком русской монеты, и она, безусловно, верна применительно к общей оценке роли русской монеты в денежном обращении ВКЛ.

Учитывая наличие вышеуказанных факторов как в XVI в., так и в XVII в., надо рассматривать проблему “непопулярности” русской монеты и ее неожиданного появления вкладах на территории Гродненской области более углубленно и нестандартно.

По мнению автора, необходимо разделять потребности в русской монете внутреннего рынка ВКЛ, осуществлявшего крупные международные торговые операции, и рынка, проводившего внешнеторговые сделки в приграничных районах, что особенно актуально для балтийской торговли XVII в., учитывая некоторые особенности его структуры, сложившиеся к 20-м гг. этого столетия.

Известный российский исследователь русской торговли в восточно-балтийском регионе И.П. Шаскольский структурировал этот рынок на две составляющие, выделив торговлю России непосредственно со

Шведским государством, где активную роль играли русские торговые люди, осуществлявшие поездки непосредственно в Швецию, и русско-балтийскую торговлю в Ливонии, где с XIII в. традиционно ведущую роль играло ливонское купечество и купечество ганзейских городов Германии. Введенное запрещение “гостевой торговли” (*Gast mit Gast*) обеспечивало этих купцов хорошей прибылью за счет транзитной торговли, выступая своеобразным мостом между Востоком и Западом [13, с. 8—9]. Ливонские и ганзейские купцы, не ограничиваясь посреднической деятельностью, активно вели торговлю и на русской приграничной территории. Благодаря сплоченности и большому капиталу они прочно удерживали в своих руках транзитную торговлю с Россией. Из владений Шведского государства в Россию приезжали торговать почти исключительно одни прибалтийско-немецкие купцы из Ревеля, Нарвы и Риги [13, с. 27]. В это же время, после заключения в 1617 г. Столбовского мирного договора, все сношения России с Европой по Балтийскому морю должны были производиться через владения Швеции. При этом все эти отношения были весьма ограничены условиями статьи 14 этого договора, которая сдерживала передвижение российских торговцев только в пределах шведских владений и накладывала запрет на проезд через эти владения в другие государства Западной Европы [12, с. 18].

Наряду с множеством убедительных фактов, свидетельствующих о “непопулярности” русской копейки среди иностранных торговцев, в историографии появляются сведения, указывающие на существующую потребность в этой денежной единице на восточно-балтийских рынках, ведущих активную торговлю с северо-западными областями России в XVII в.

А.С. Мельникова в своей монографии о чеканке русской копейки в Свее (Швеция) приводит отрывок из письма шведского короля Густава Адольфа от 29 июня 1615 г., адресованного в Швецию государственному казначейству и счетной конторе. В данном письме Густав Адольф дает подробные указания о чеканке подражаний русским копейкам и мотивирует целесообразность данной акции. “Копейки, — пишет король, — должны быть “так хороши, или даже лучше тех, которые чеканят теперь в Москве, и они могут пойти не только по всей России наравне с другими, но в Польше и в Литве, а так же в Данциге, Риге и других поморских городах” [6, с. 114].

Шведский резидент Иоганн де Родес в 1650 г. был вынужден получить от русского правительства 20 тыс. дукатов русской монетой, по 100 копеек за дукат. Родес предполагает эти деньги “выменять на дукаты на нашей границе и в лифляндских городах, где русские деньги в ходу” [5, с. 155].

Эти сведения указывают на наличие в первой половине XVII в. рынка русской монеты в зоне восточно-балтийской торговли. Его появление могло быть вызвано ростом экспортного товарного производства, характерного для посткризисной экономики России XVII в. Рост избыточной продукции сельского хозяйства был в XVII в. одной из главных предпосылок развития русской внешней торговли. Россия благодаря событиям тридцатилетней войны начинает крупные поставки хлеба в Европу через архангельские порты. Существенное значение во внешней торговле сельскохозяйственной продукцией имеют лен и пенька, кото-

рые выращивались в северо-западных и некоторых центральных уездах России. В частности, псковские и новгородские земли специализировались на выращивании льна и конопли [13, с. 5—6]. В то же время российские исследователи (А.С. Мельникова, А.П. Шорин) при анализе русских кладов северо-западных земель XVII в. отмечали смещение кладообразования из города в сельскую местность, что обуславливалось ростом торговли на селе, при этом составы русских кладов относятся к категории монетных резервов, представляющих собой кратковременные накопления, использовавшиеся населением непосредственно в обыденной жизни [7; 15].

Следует предположить, что благодаря всем этим событиям и условиям торговли образовался рынок русской монеты, необходимой немецко-прибалтийским купцам для осуществления сделок с русскими торговыми людьми как на территории Прибалтики, так и на приграничных псковских и новгородских землях (учитывая консервативность русских купцов по отношению к национальной денежной системе, что подтверждается составами кладов). Они, как и все остальные кладовые комплексы русских территорий, отличаются своей “чистотой” в плане полного отсутствия в их составах иностранной монеты [15].

Подтверждением этой версии является появление в это сложное как для России, так и для Речи Посполитой время незначительных сумм русских денег в кладах, датировка сокрытия которых приходится на 20-е гг. XVII в. К этому промежутку времени относятся и клады, найденные на приграничных польских территориях вблизи Белостока и Ломжи [19, № 350, 403, 405], включающие незначительные примеси русских монет. При этом русские комплексы гродненского региона имеют характерные признаки их формирования на территории северо-запада России. Как уже отмечалось ранее, русские проволочные монеты отсутствуют в типичных кладах сельских жителей, что и подтверждает “непопулярность” русской копейки на внутреннем рынке ВКЛ. Их присутствие отмечено в относительно крупных, смешанных кладах, имеющих неоднородный национальный состав. Несмотря на то, что русские монеты представлены в крупных кладах, их количество невелико. Наиболее условно-крупные русские комплексы представлены в макеевском и дубненском кладах (26 и 78 монет в каждом соответственно). Суммы в денежном выражении составляют: 24 копейки в макеевском кладе и 72,5 копейки в дубненском кладе, при существующем обменном курсе на территории России — 48—50 копеек за талер.

Соответствие русской монеты периодам правления царей, чеканивших ее, напрямую отражает соотношение содержания этой монеты в денежном обращении самой Руси в 10—20-х гг. XVII в. И.Г. Спасский отмечал, что: “Идея “обновления монеты” была настолько чужда русскому денежному делу, что до тех пор, пока не изменялся вес монеты, в обращении оставались любые ранее выпущенные, хотя бы на них значилось даже имя самозванца” [12, с. 118]. Так, обильная чеканка Ивана IV, обеспечившая потребность в полновесной разменной монете на многие десятилетия, объясняет большое их содержание в названных комплексах. В дальнейшем неактивная чеканка Федора Ивановича вследствие обеспеченности рынка монетой Ивана IV сменяется ее активизацией во времена прав-

ления Бориса Годунова, после смерти которого начинается знаменитый кризис, вошедший в историю Руси как Смутное время, и, как следствие, упадок денежной системы, финансовый кризис во времена правления Василия Шуйского, продлившийся до стабилизации власти при Михаиле Романове. На практике копейки делились на “новые”, облегченные, монеты и “старые”, чеканенные по нормам трехрублевой стопы.

Имея малочисленные группы монет, сложно провести количественный анализ русской монеты по материалу гродненских кладов. Однако, обратив внимание на составы макеевского и дубненского кладов, можно заметить некоторые особенности в части соотношений монет в самих “русских группах”.

Дубненский комплекс, насчитывающий 78 русских монет, содержит 44,87% (35 монет) Ивана IV; 3,85% (3 монеты) — Федора Ивановича; 30,77% (24 монеты) — Бориса Годунова; 8,97% (7 монет) — Лжедмитрия I; 10,26% (8 монет) — Василия Шуйского и 1,28% (1 монета) — шведской оккупационной власти в Новгороде.

Комплекс макеевского клада, состоящий из 26 русских монет, содержит 38,46% (9 монет) — Ивана IV; 7,69% (2 монеты) — Федора Ивановича; 11,54% (3 монеты) — Бориса Годунова; 3,85% (1 монета) — Василия Шуйского; 11,54% (3 монеты) — шведской оккупационной власти в Новгороде; 26,92% (7 монет) — Михаила Федоровича Романова.

На представленных диаграммах интенсивность чеканки русских монет отражена в количественном содержании монет разных правителей (рисунки 1, 2). Эти перепады, вызванные различными историческими обстоятельствами, отражают их количественное содержание и в самой русской денежной системе.

А.С. Мельникова отмечала, что в русских кладах вплоть до начала 20-х гг. XVII в. значительную часть составляли монеты трехрублевой стопы. К середине 20-х гг. количество старых монет заметно убывает, а в кладах конца правления Михаила Федоровича они насчитываются единицами. Данное обстоятельство было обусловлено активной скупкой у населения старых монет трехрублевой стопы с “наддачей” [5, с. 158]. Население России благодаря выгодному курсу обмена (110—112 “новых” копеек за 100 “старых”) легко приняло облегченные монеты Михаила Федоровича, хотя в северо-западных областях России этот процесс затягивался вследствие особой популярности у населения этих областей полновесных монет, чеканенных по нормам 3-рублевой монетной стопы. Эту закономерность можно заметить и в кладах Гродненской области, где в комплексах вплоть до конца 20-х гг. XVII в. присутствуют в большей мере монеты, чеканенные до Михаила Романова.

Еще одной особенностью денежной системы России XVI — начала XVII в. являлось хождение монеты, чеканенной на различных денежных дворах, поэтому клады, сформированные на территориях России, имели специфические особенности. Это обстоятельство особенно отчетливо прослеживается в денежном обращении первой четверти XVII в., характеризующемся разобщенностью. Изоляция северо-западных земель в результате шведской оккупации, казачьи воровские шайки, безвластие, а затем становление власти в Москве породили ряд региональных особенностей де-

нежного обращения [8]. Работа Псковского монетного двора в рассматриваемый промежуток времени осуществлялась эпизодически и держалась в основном на частных заказах торговых людей, отдававших имеющееся у них серебро на передел в русские деньги, обеспечивающие торговые операции в данном регионе. Новгородский монетный двор с 1611 г. по 1617 г. осуществлял чеканку русских монет, организованную шведской оккупационной властью. Вслед за угасанием русской балтийской торговли постепенно перестают существовать и монетные дворы этого региона, роль которых в последующем взял на себя московский денежный двор, обеспечивающий основную долю государственных заказов. Тем не менее рынок северо-западных областей России обслуживается большей долей монет, чеканенных в данном регионе. Это подтверждается составами кладов, обнаруженных на территории Пскова и Псковской области, которые отличаются присутствием большой доли таких монет [15]. Кроме того, здесь отсутствуют особенности северного и центрального регионов, где в ходу были монеты второго земского ополчения и большая доля монет Михаила Федоровича Романова, практически вытеснивших в 20-х гг. XVII в. монеты прежних правителей, в отличие от северо-западных территорий, где, как уже было отмечено, популярностью пользовались старые полновесные

Соотношение русских монет по правителям в дубненском кладе

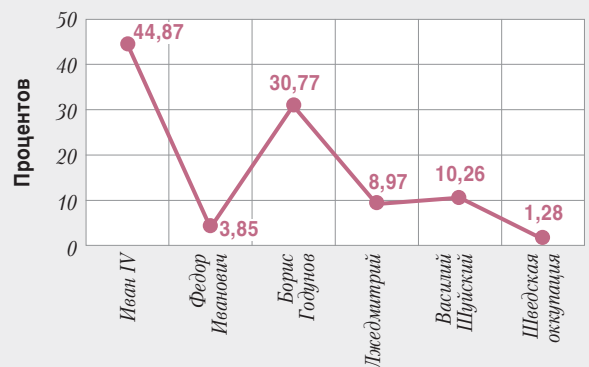

Рисунок 1

Соотношение русских монет по правителям в макеевском кладе

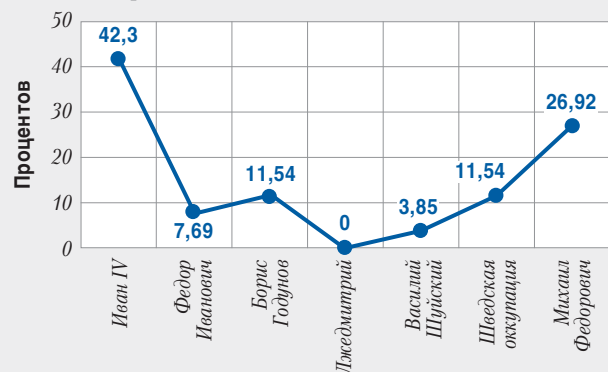

Рисунок 2

монеты, что на некоторое время тормозило проникновение сюда монет Михаила Федоровича.

Применительно к рассматриваемой теме, проведя анализ содержащихся вкладах русских монет по месту чеканки, можно с большой долей вероятности определить регионы их формирования.

Дубненский клад, как уже отмечалось, насчитывает 78 монет, принадлежащих русской чеканке XVI — первой половины XVII в. Сохранившаяся часть общего кладового комплекса насчитывает 399 монет, хранящихся в коллекции Гродненского историко-археологического музея. Младшая по дате чеканки монета — 3 гроша литовской эмиссии Сигизмунда III Вазы 1614 г. Это самый крупный кладовый комплекс русской проволочной монеты, найденный на территории Гродненской области. Доля русской монеты по отношению к сохранившейся части комплекса составляет 19,5%.

Можно сказать, что это типичный комплекс русской монеты, характерный для денежного обращения северо-запада России. Общее количество монет новгородской и псковской чеканки составляет 64,1% от общего количества русских монет этого клада. Естественно, что наиболее широко в кладе представлена чеканка Ивана IV (44,8% от общего количества русских монет). Монеты его сына Федора представлены только тремя копейками новгородской чеканки. Следует отметить наличие большой доли псковских копеек Бориса Федоровича Годунова (41,6% относительно всех монет данного правителя), а также Василия Шуйского (62,8% относительно всех монет данного правителя). Кроме того, монеты Лжедмитрия I представлены только копейками, чеканенными в Новгороде и Пскове. Младшая русская копейка (*тип 1—1 таблица 6, здесь и далее классификация по А.С. Мельниковой*) отчеканена шведской оккупационной администрацией главнокомандующего Деллагарди в Новгороде. Данный тип чеканки относится к 1611—1615 гг. Однако, учитывая вес данной копейки, составляющий 0,6 г, при норме шведской чеканки данного типа монет 0,57 г и тенденции в последующем к снижению нормы монетной стопы данного типа чеканки до среднего веса копейки 0,53 г, можно предположить, что данная монета принадлежит к начальному этапу чеканки копеек шведами.

Следует отметить, что в данном кладе отсутствуют монеты Михаила Федоровича Романова, хотя сокрытие самого клада датировано после 1614 г., что указывает на формирование комплекса до появления на северо-западных территориях России монет Михаила Федоровича, начавшего чеканку своей монеты в 1613 г. Это обстоятельство может уточнять время тезаврации данного клада и ограничить ее 1614 г.

Таким образом, состав русского комплекса указывает на его формирование, вероятнее всего, в Пскове либо псковских землях в 1611 г. и 1614 г.

В 1615 г. войска Густава-Адольфа осадили Псков, изолировав его от центральных областей России практически до подписания Столбовского мира. Следующие клады с содержанием русской монеты появляются в 20-х гг. XVII в. Тезаврация первого из них — озернищого клада датируется после 1621 г. (младшая монета — коронный полторагрошовик Сигизмунда III Вазы 1621 г.).

Зачепичский кладовый комплекс имеет в своем составе 12 русских монет XVI — XVII вв. Этот депозит является одним из самых крупных известных кладов,

найденных до настоящего момента на территории Беларуси. Клад был сокрыт после 1627 г. (младшая монета — грош литовской эмиссии Сигизмунда III Вазы 1627 г.). Младшие русские копейки Михаила Федоровича Романова отчеканены в Пскове штемпелем образца 1627 г. Эта дата отмечена угасанием и без того нестабильно функционировавшего Псковского монетного двора, монеты которого являются достаточно редкими. Обе монеты имеют хорошую сохранность, а значит, недолго находились в обороте, из чего можно сделать более точный вывод о дате тезаврации данного комплекса и отнести ее к 1627—1628 гг.

Названный комплекс русских монет имеет небольшие размеры, однако и здесь следует отметить присутствие в большей степени копеек новгородской и псковской чеканки (66,67%), а также наличие в этой небольшой группе копеек, чеканенных шведами в Новгороде.

Макеевский клад в момент находки насчитывал более 1000 монет. Из 340 дошедших до нас — 26 русских проволочных монет XVI—XVII вв. Сокрытие данного клада датировано концом 20-х гг. XVII в. Младшая по дате чеканки монета — грош литовской эмиссии Сигизмунда III Вазы 1627 г. Количество русских монет по отношению к остальным монетам относительно сохранившейся части клада составляет 7,6%. При этом монеты Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова представлены только новгородской и псковской чеканкой.

Московская чеканка этого депозита представлена денгами Ивана IV и копейками, чеканенными в первые годы правления Михаила Федоровича Романова, когда основным эмитентом монет являлась Москва, где началась чеканка по новой, облегченной, монетной стопе. Штемпель младшей русской копейки московской чеканки датируется 1619 г. (*тип 9—13 таблица 8*).

Следует особо отметить, что в этом небольшом русском комплексе, как и в вышеописанных кладах, присутствует одна примечательная особенность в виде наличия копеек, чеканенных шведской оккупационной администрацией в Новгороде (*2 монеты тип 1—1 таблица 6; 1 монета тип 2—2 таблица 6*). Это обстоятельство при анализе русских кладов указывает на признак, характерный для денежного обращения на новгородских землях [9, с. 146]. Разумеется, небольшие размеры рассматриваемых русских комплексов имеют возможность влияния на них различных факторов. Однако наличие в этих небольших комплексах относительно редких в центральных районах России монет является показательным признаком их принадлежности если не конкретно новгородским землям, то, по крайней мере, признаком, который говорит о принадлежности комплексов денежному обращению на северо-западе России.

Исследуя описанные выше клады, отметим разнообразие западноевропейской, преимущественно немецкой, разменной монеты во всех четырех депозитах. Такое разнообразие отсутствует в остальных кладах первой половины XVII в. Обратив внимание на топографию этих находок, следует отметить их концентрацию в центральной части Гродненской области между городами Щучин, Мосты, Слоним и Дятлово. Указанные клады были найдены в населенных пунктах либо в непосредственной близости от них, распо-

ложенных вдоль реки Неман (д. Дубно, Макеевцы, Зачепичи), а также между ее крупными притоками — реками Щара и Зельвица (д. Озерница). Тенденция концентрации кладов вдоль основных водных артерий рассматриваемого региона, обеспечивающих функционирование торгового пути, связывавшего эти районы с рынками восточной Прибалтики, еще раз указывает на экономический характер появления русских монет в кладах на территориях ВКЛ.

Связывая этот факт с известным повышением спроса на сельхозпродукцию в рассматриваемом промежуток времени, автором был сделан вывод о необходимости определения территорий, жители которых специализировались на земледелии, что было обусловлено благоприятными природными условиями. Определение этих территорий при наличии выявленных закономерностей может стать одним из звеньев в цепочке топографического анализа.

Для определения указанных регионов в топографическом анализе можно использовать балльную систему оценки сельхозугодий и пашни, определяющую качественный показатель почв, находящихся в сельскохозяйственном обороте. В настоящее время эта система широко используется в агропромышленном комплексе Беларуси.

Анализируя места нахождения рассматриваемых кладов с учетом показателей плодородия почв, автором отмечено, что эта немногочисленная группа кладов была обнаружена в почвах, имеющих средний и относительно высокий уровень плодородия. При этом необходимо подчеркнуть, что высокий уровень плодородия в местах обнаружения кладов не является обязательным и закономерным условием, что может быть обусловлено проживанием на данных землях людей, занимающихся торговлей либо обеспечивающих функционирование торгового пути (сбор налогов, обеспечение переправ, постоев, транспортных услуг и т.д.). Однако во всех известных случаях мы имеем факты нахождения плодородных земель в непосредственной близости от районов обнаружения кладов, что принимает форму закономерности при топографическом анализе. При этом важно учитывать удобное расположение населенных пунктов, где были обнаружены кладовые комплексы, относительно районов с высоким плодородием почв и наличием водных артерий. Связывая оба этих показателя в одно целое, можно констатировать факт нахождения кладов, содержащих комплексы русских монет, в районах с оптимально выгодными условиями для оптовой торговли. Все это еще раз подтверждает и уточняет принадлежность кладов социальной группе торговых людей, осуществлявших свою деятельность на торговом пути между рынками ВКЛ и восточной Прибалтики.

Ведя речь о наличии необходимости в русской монете у литовских торговых людей (исходя из нумизматического материала вышеперечисленных кладов), можно отметить, что в этих депозитах представлены остатки сумм текущих расходов, необходимых при осуществлении сделок. Эти выводы подтверждаются и наличием в комплексах денги — фракции русской копейки, использовавшейся на территории России в XVII в. Учитывая отсутствие русской монеты на внутреннем рынке рассматриваемой нами территории, следует сделать вывод о необходимости исследования вопроса о роли русской монеты на рынках ВКЛ исходя из структуры международных товарно-денежных отношений, сложившихся в Прибалтике и северо-западных областях России. Наличие факторов, не способствовавших развитию крупной торговли между этими государствами, выводит на первый план непосредственно социальную группу торговых людей, осуществлявших небольшие сделки в зоне восточно-балтийской торговли.

Подводя итог проведенного анализа кладов первой половины XVII в., содержащих русскую монету, можно прийти к выводу, что ее появление на территории Гродненской области имеет чисто экономический характер и связано с повышением спроса на сельскохозяйственную продукцию, временным образованием регионального рынка русской монеты в зоне восточно-балтийской торговли в 10—20-х гг. XVII в. В свою очередь, деятельность литовских торговых людей на рынках восточной Прибалтики обусловила попадание в их депозиты русской монеты, на что указывают письменные источники, временные рамки кладообразования, признаки формирования русских частей кладов в северо-западных областях России, а также топография находок. В последующие годы русская монета ввиду незначительной потребности остается в депозитах торговцев, практически не проникая при этом на внутренний рынок ВКЛ.

К 30-м гг. XVII в. торговля в новгородских и псковских землях заметно падает, о чем свидетельствуют факты закрытия Новгородского (1626/1627 г.) и Псковского (до 1630 г.?) монетных дворов ввиду их нерентабельности, причиной чему явилось отсутствие заказов от торговых людей, как русских, так и “неметцких” [5, с. 182].

Примечательно, что одновременно с этими событиями в 30—40-х гг. XVII в. русская монета в тезаврации кладовых комплексов на территории Гродненской области уже не участвует.

Дальнейшее изучение кладов, содержащих русскую монету, конкретизирует причины появления и роль русской монеты в денежном хозяйстве ВКЛ.

Источники:

1. Какареко, В.И. Клады монет нового времени на территории Гродненской области. V Международная научная нумизматическая конференция. Супрасль. 2002 г.
2. Какареко, В.И. Монетные кладовые комплексы из собрания Гродненского государственного историко-археологического музея // 60-летие образования Гродненской области. Материалы Международной научной конференции 3—4 марта 2004 г., ГГУ, Гродно, 2004.
3. Кобринец, В.А. Клады с российскими монетами в собрании нумизматического кабинета Белорусского государственного университета // Краязнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мн.: БДУ, 2008.
4. Кобринец, В.А. Копеечные “коралы” XVII в. (полоцкая находка 1990-х гг.) // Банкаўскі веснік, 2008. № 7.
5. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История Русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Изд-во “Финансы и статистика”, 1989.

6. Мельникова, А.С. О чеканке “нефедки” в Свее // *Очерки по истории русского денежного обращения XVI—XVII вв. М.: Изд-во “Стрелец”, 2005.*
7. Мельникова, А.С. К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв. // *Очерки по истории русского денежного обращения XVI—XVII веков. ГИМ, М.: Изд-во “Стрелец”, 2005.*
8. Мельникова, А.С. Особенности русского денежного обращения // *История СССР. 1966 г. № 5.*
9. Мельникова, А.С. Таймырский клад русских монет XVII в. // *Хранитель Эрмитажа. Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского. СПб.: ГЭ, 2004.*
10. Рябцевич, В.Н. Клады чрезвычайных обстоятельств на землях ВКЛ // *Тезисы доклада. VI Международная научная нумизматическая конференция. Супрасль. 2004. <http://skarbkhoz.ru/monety/novogo-vremeni/artikle-3.htm/>*
11. Рябцевич, Д.В. Российская монета на рынках ВКЛ в XVI—XVII вв. // *Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. СПб.: ГЭ, 2001.*
12. Спасский, И.Г. Русская монетная система. Л.: Изд-во “Аврора”. 1970.
13. Шаскольский, И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. Изд-во Наука. СПб., 1994.
14. Шаскольский, И.П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб: 1998.
15. Шорин, П.А. Монетные клады псковской земли (клады русских монет XV—XVII вв.) // *Краткие тезисы докладов научно-практической конференции “Археология Пскова и Псковской земли” <http://arheologi.livejournal.com>. 1985.*
16. Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев // *Составитель Н.В. Бочкарев, М. изд. Крафт+, 2000.*
17. Таблицы баллов сельскохозяйственных угодий и пашни сельскохозяйственных предприятий Гродненской области.
18. Rjabcevic V.N. Skarby monet z XVI i XVII wieku na terenie obwodu Brzeskiego i Grodzieskiego Bialoruskiej SRR // *Prais i materially museum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska № 6, 1986.*
19. Meclewska, M., Mikolajczyk, A. Skarby monet z lat 1500—1649 na obszarze PRL. Inwentarz // *Polskie towarzystwo archeologiczne i numizmatyczne. Warszawa. 1983.*

О находках древнейших литовских монет у Новогрудка

Древняя и богатая знаковыми событиями история Новогрудчины до сих пор завораживает и притягивает интерес исследователей, пытающихся разгадать загадки, которыми изобилует эта древняя земля.

Отсутствие до настоящего времени находок древнелитовских монет на территории Новогрудчины было обусловлено несовершенством поиска этих важных для истории Беларуси артефактов.

Однако в сентябре 2009 г. в нескольких километрах от Новогрудка обнаружен комплекс редких монет, относимых к начальной истории чеканки Великого княжества Литовского.

Участок местности, на котором были найдены эти монеты, имеет размеры 30х40 м и расположен на склоне возвышенности, находящейся на берегу безымянного ручья. Эта земля долгое время находилась в сельскохозяйственном обороте как пахотное поле.

Следует отметить, что в этом месте, по свидетельству очевидцев — местных жителей, ранее находили части платежного серебряного слитка (тип неизвестен, по описаниям, предположительно, трехгранная литовская гривна) и обломки серебряного браслета. В настоящее время автором ведется работа по исследованию этих предметов с целью установления возможной принадлежности к комплексу последующих находок.

В сентябре 2009 г. при обследовании указанного участка с помощью металлодетектора были обнаружены 6 монет древнелитовской чеканки. Одна из них была отнесена к периоду чеканки монет Великого князя

Ягайло, две монеты — к чеканке периода правления Витовта, другие две монеты — Дмитрия Корибута и одна монета — к чеканке Казимира Ягеллончика. Кроме того, на этом же участке был обнаружен серебряный перстень — печать с изображением птицы (голубя), обращенной геральдически влево (*рисунок 1*).

Рисунок 1

І. Ягайло (1377—1381, 1382—1392)

Аверс (Av.): шестиконечный крест в щите; у верхнего края отиска — фрагмент точечного ободка; смещение штемпельного отиска вниз.

Реверс (Rv.): всадник с мечом; смещение штемпельного отиска вниз, по правому краю — фрагмент точечного концентрического ободка.